

FLASH-СЕРИЯ “КНИЖНАЯ ИМПЕРИЯ ВОЛКОДЛАКА”

Рукописи

Волкодлака 2

Игорь Чубанов

Рукописи
Волкодлака

Свадебные
Заметки

Дневники
Анны

Дочь
Волкодлака

Книжная
Империя
Волкодлака

ВОЛКОДЛАК и АННА

“ФОТО -
Комментарии...”

Часть вторая

Игорь Чубанов

**Рукописи Волкодлака
– 2. Часть вторая**

«Издательские решения»

Чубанов И.

Рукописи Волкодлака – 2. Часть вторая / И. Чубанов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936018-2

Стихотворная проза жизни с элементами фэнтези. «Настольная книга» исключительно для дамского чтения... либо «психологические измышления тантрического сумасшедшего» для всеобщего любопытства женского. Взаимоотношения людские... вне политики, вне религии: материальность мыслей, чувств экстрасенсорность... Раздел первый: размышления Волкодлака Ненавязчивого о перипетиях судьбы своей паранормальной... Продолжение.

ISBN 978-5-44-936018-2

© Чубанов И.
© Издательские решения

Содержание

В ДРУЖБЕ НЕ МОЖЕТ ЗАВИСТЬ «ЧЁРНАЯ» БЫТЬ С «БЕЛОЙ»...	6
часть вторая, раздел первый	6
Фотокомментарий №0044	7
Фотокомментарий №0045	8
Фотокомментарий №0046	9
Фотокомментарий №0047	11
Фотокомментарий №0048	12
Фотокомментарий №0049	14
Фотокомментарий №0050	16
Фотокомментарий №0051	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Рукописи Волкодлака – 2

Часть вторая

Игорь Чубанов

Дизайнер обложки Игорь Чубанов

© Игорь Чубанов, 2019

© Игорь Чубанов, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4493-6018-2 (т. 2)

ISBN 978-5-4493-4844-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**В ДРУЖБЕ НЕ МОЖЕТ ЗАВИСТЬ
«ЧЁРНАЯ» БЫТЬ С «БЕЛОЙ»...**

часть вторая, раздел первый

(для неопубликованных фотографий с Анной)

Фотокомментарий №0044

Узор сиянием металла цвета солнца
форму украсил, обрамляя содержанье:
винтажность, аромата затаив дыханье
от роз пурпурных, оформлением оконца

решила стать – для Волкодлака-Зверя взгляда, —
былинно-русского, как терема из сказки,
чтоб роз пурпурность задышала без опаски
среди искр-звёзд и листьев в зелени наряда:

«Взор Хищника теперь не к нам, цветам, прильнул!
И, слава богу: страха вдоволь уж наелись;
ужаса смертного от взгляда натерпелись!
Кстати, о чем там молвит Тантры Вельзевул?»

Волнами льются линии волос прически,
тёмными прядями на плечи ниспадая...
будто оправа, драгоценность обнимая,
самой себе предназначает шарм неброский,

чтобы явить всем прочим величавость лика,
вкус женственности, как и утончённость тайны,
сокрытой в Анне! Как природа многолика,
остановившая на ней выбор случайный,

чтобы всю прелесть красоты женской явить
взору мужскому, с вожделением самца —
своё потомство дать: до иль после венца!
А говорят ещё: «С лица воду не пить...»

Фотокомментарий №0045

Золота нить, цепочкой фото оформляя,
снимок украсила винтажным уголком,
где среди роз тот скрылся, кто им не знаком;
и зашептались розы, недоумевая...

с бутонами слов обменявшись ароматом
о том, что шёпот Зверя, в витки превращая
рифму для Ангела «ромашкового рая»,
так осветил девичий лик сиянья златом,

но тотчас замерли, ужасом застывая...
чувствуя, как взглядом вливает в лепестки
Хищник и счастья горечь и сладость тоски,
холодом строк горячность мыслей остужая:

«Доступность Анны, женщины простой-земной,
легко принять тому, кто избран только ею...
а я всё Недотрогою живу-болею:
так прикоснуться хочется – хоть плачь, хоть вой!

Чем можно Недотроги взгляд завоевать?
Кому-то слишком уж легко её обидеть,
а Волкодлака-Зверя можно ненавидеть
так, что меж строк стихов души не замечать?»

Звук слов заставил розы болью вострепнуться,
чтоб ото льда зимы смогли в лето вернуться:
«Над судьбой Оборотня впору усмехнуться...
всем Анны тела – но не мне – дано коснуться?»

Фотокомментарий №0046

– Зря, Анна, ты со мной так плохо поступила,
от Зверя скрыв рождение дочери твоей!
Тантра моя твои болезни излечила?
Или не верить должен я Тантре своей —

тому, что мозг твоими мыслями твердил,
мол, теперь Анна женской хворью не болеет;
и менструальный цикл более не смеет
так болью тело напрягать изо всех сил!

А я ведь, Анна, знал все те твои болезни
ещё тогда, когда дружили мы людьми...
Что, «тараканы» из моей башки полезли?
Мыслями снова загонять их, как плетью,

в вольер или в хлев-сарай – отарой или стадом,
вновь закрывая череп Зверя на засовы?
Так возражать начнут «бараны» или «коровы»,
окидывая Хищника недобрым взглядом,

дескать, хозяин, накормить ты нас забыл!
Кстати, не знаешь, «тараканов женских» чем
женщины потчуют... или то – одна из тем,
о коих знать не должен умный и дебил?

Я не могу не верить в мысленный обмен
между семейной Анной и мной, Волкодлаком:
ведь одарил Ангел зачем-то меня знаком,
созвездье Рака Козерогом забрав в плен!

И почему теперь мне Зверя мозг внушает,
мол, роды Аннушки прошли быстро-легко —
у «первородки старой» так ведь не бывает?
– Вкусней не стало, Ань, грудное молоко?

Я эйфорией энергетики вливаю
Тантру в тебя... а, значит, дочь также кормлю!
Встречаешь, Ань, истерикой мужа зарю
или твоим покоем дочь я усыпляю?

Ты зря так, Анна, поступила с Волкодлаком:
я не желал и не желаю всем вам зла!»
Лишь сожаленьем в Хищника печаль вошла:
вдруг Анны страх сменится мстительности знаком?

– А ты представила бы, Ань, любви картину:
прикосновения клыков кожу ласкают;
тантры мурашками в тело сладость вливают,
дочке даря – мамой – экстаза половину!

Всю обнаженную беременность твою —
с мига зачатия до чуда появления —
ты ощущала бы мои прикосновенья,
толчками дочери встретив закат-зарю

каждой ночи и дня; рассветы провожая
кормящей мамой из «ромашкового рая»;
веленьям-требованиям дочери внимая,
счастьем тантрическим малышку усыпляя!

Даже вдали от Волкодлака всегда знала
Анна, что дочь её – давно уже моя...
Я говорю слова, вопроса не тая:
«Зачем ты, Ань, дочь от меня скрывала?»

Фотокомментарий №0047

Стеблей винтажность,
и – в бутонах, – цвет сапфира,
застывший искорками на гранях кристаллов,
узорчатостью серебра, как пенением хоралов
церковность славит свой уклад для всего мира,

так же стремится приукрасить фото Анны,
которую уже целует солнца блик —
там, в отражении воды, Зверь прячет лик...
и лучше всё исполнить так, чтоб не обманны

для Волкодлака оказались уверенья
солнца лучей, что будет рада поцелую
девичья юность... Жаль, слова «Ань, я тоскую»
остались только звуками стихотворенья;

и строк витиеватость навсегда вошла
в фантазию изысканности ювелирной,
чтобы известность Аннушки стала всемирной,
если уж сущность Хищника их привнесла

орнаментальностью в созвучия металла,
воспев кузнечнойковки звон как музыкальность,
и в унисон хоральный слов влилась тональность,
чтобы душа девичья смысл тоски впитала:

«Склониться бы незримо пред душою милой,
лицом уткнуться в Аннушки чужой колени...
Кто Анну так же, как и я, ещё оценит,
с отказом для меня не став даже постылой,

не говоря уже о том, что должен Зверь
теперь маниакально всех возненавидеть,
чтобы считать правом своим – Анну обидеть,
и правдой ревности ломать квартиры дверь?

Ласкать любимую фигурку Зверя взглядом
и наслаждаться телом, за ткани нарядом,
от счастья близости с сердечком обомлев,
хотелось бы! Жаль, это лишь мечты напев...»

Фотокомментарий №0048

Облик красивой женщины – Анной! – застыл
в волшебном сумраке чарующим укором,
служа для Волкодлака мрачным приговором:
«Тебя никто дарить мне „Коммент“ не просил!»

Луны сиянье обрисовывает замок
из моих грёз, мыслями созданный для Анны...
Неужто Хищник-Волкодлак настолько странный,
что выползает из обычных людских «рамочек»

во мраке скал – чертогов из камней замшелых,
луной облитых словно колдовства свеченьем! —
Уродом-Оборотнем, приводя в страх смелых,
расплаты жаждущих с великим самомненьем

над Волкодлаком, в ответ скалящим клыки
с бликами на стекающей слюною злобе;
с глухим урчаньем ярости в Зверя утробе:
воздеть на пики кто решил иль на штыки

печатно-нецензурных слов с рукоприкладством
в «войне миров» между отцами и детьми?
Тургеневские «битвы» связаны с людьми —
Хищник же наделён совсем другим «богатством»:

не угрожать слегка, а сразу рвать – в куски,
спортивных поединков правила втоптав
в месиво из крови и плоти, – тех, чей нрав
теперь лишь мозга брызгами красит виски

взломанных черепов, горячность остужая
трупов, испачкавших волны прохладный всплеск,
после того, как стих последний хруст и треск,
клыкастой Смерти более не возражая...

Молчаньем Анны к камню льнут мысли прибора,
лаская Тантрой осязаемость людскую;
в Анну-Русалку превратив пену морскую,
что волшебством так не даёт Зверю покоя!

Аннушки тайна скрыта в замке Волкодлака,
облик приняв его тантрической Богини;
оставив память о себе созвездьем Рака,
что украшает ночь – мерцаньем! – и поныне...

Взгляда загадочность и чувственность улыбки,
в губах сокрытой сексуальности узором...
О чём же Аннушка так думает с укором
или о ком? Фантазии Зверя ошибки?

Фотокомментарий №0049

Все склонны верить лишь своим ушам-глазам:
что если муж смог «обрюхатить» свою бабу,
то Волкодлак напоминать собой стал жабу,
так принца тешащей стрелюю: «Дам-не дам!»

И Зверь, понятно, теперь выглядит придурком —
дразнится, дескать, кто? – а муж, как Васька-кот,
ввласть ухмыляясь, Анны прелести «грызёт»:
супруга – телом! – ведь сама себя «даёт»,
что позволяет Волкодлака назвать «турком»,

поверившим в свои фантазии ментала...
то есть Тантризма – мистицизма колдовского;
а муж тем временем... да тут спроси любого —
каждый ответит, мол, любая баба знала,

на что решалась своим свадебным нарядом:
с женскими ласками супругу отдаваться;
растить детей от мужа – маленьким отрядом;
да в симуляциях своих не признаваться!

Лохом тупым выглядел Зверь пред тем, кто знал,
что забеременела Анна... родила;
а Волкодлак «Комменты» -Письма отправлял
Аннушке – бабе-недотроге? Вот дела...

Тут и дурак себя потешит: «Вот дурак!
Муж Анну любит каждый час, а Волкодлак
(видать, и впрямь лишь на фантазии мастак!)
считает близость мужа с Анной за пустяк?»

А я не верю Волкодлаком в бред людской:
вкусивший Тантру не начнёт ласкать другого,
пусть и вопрос станет ребром: «Что здесь такого?»
Этот людской секс мне уж кажется игрой,

милою шалостью детсадовской «любви»,
в «матери-дочки» заигравшись малышами!
Пропасть великая раздвиглась между нами...
Как мне вас жаль всех, не вкусивших нови

совсем иных прикосновений волшебства,
коей наполнен мир чувственности и секса;
но вместо торга, если хочется лишь кекса —
дай бог, «коликчеством» всем взять от естества!

А я уверен в том, что Анна «залетела»
от самовольства мужа: силой взял жену;
иль оценил уже супруг свою вину:
Анны душа беременности не хотела...

Не отомстила ли Анна мужу-супругу
тем, что взяла да родила назло ему:
«сделал» – корми двоих... и привыкай к тому,
что я тебя теперь, самец, вожу по кругу

только своих желаний и жены приказов:
хочу – все фото мужа с дочкой покажу
своим подругам в соцсетях иль накажу
супруга тем, что обойдемся без экстазов

мужских или отцовских с «ювелирным» креном:
мол, чтобы дочку «настрогать» – важно уметь!
– Засунь теперь своё лихое самомнение,
супруг, туда, где слаще только редька с хреном...

Не потому ли так чудовищно пустынна
Анны «страница» на просторах интернета?
Царство семьи во мраке – без лучика света...
иль вместо дочери всем так хотелось сына?

Дочкой гордиться в соцсетях, знать, не в почёте
для папы с мамой – как ребёнком даже первым?
Неужто близость оказалась актом скверным
настошь, что оправдания искать начнёте —

своеобразно даже – в гробовом молчании
супруги с мужем: женщины и «мальша»,
которому теперь «не светит» ни шиша
в сексе с женой, небось? Уж, точно, не в признании

великовозрастного малыша заслуг —
вплоть до триумфа пьедестального кумира,
честью скатившегося до раздумий Пирра:
«С новой победой не лишусь я „войска“ вдруг?»

Фотокомментарий №0050

– Орнамент, чуть приличнее себя веди!
Право, не стоит так уж рьяно растекаться
винтажностью по уголкам и распускаться
цветочным золотом... Смотри, не наследи

попешностью узорчатой на фотоснимке —
роз назидательно зашикали бутоны —
с Аннушки ликом, не то Волкодлак препоны
воздвигнет всем: это не трудно Невидимке-

Зверю устроить, если станет кто мешать
нить философскую ему вплетать в ткань слов
красной каймою – точно так же, как мир снов
грёзами женский пол так любит украшать...

Орнамент замер, к уголкам прильнув цветами,
лишь ожидающе мерцая переливом
солнечных отблесков на завитке строптивом —
ещё не ведома ему встреча с глазами

с прицелами зрачков – до ужаса входящих
в глубины разума или в души пространство
выбором цели... и куда вдруг делось чванство
и хулиганство, пьянство и бабье жеманство —
спросить придётся лишь у остальных, скорбящих...

Бутоны ароматностью роз прикоснулись
к локонам-прядам Анны и к трепету кожи:
«Всё, Ань, орнамент осознал вину – до дрожи;
и мы к прослушиванию Зверя слов вернулись...»

– ...Во все века женская плоть была монетой
разменной средь вассалов и для суверенов;
возможно даже среди всяких дуайенов,
балующихся коньяком и сигаретой,

не говоря уже у виски и сигарах,
судьбы решая раутом великосветским
женских имён... и способом совсем недетским —
где куковать им: на Канарах иль на нарах?

Не станем всё ж рабовладения касаться;
и крепостное право также не затронем —
будет довольно (дай бог, матом не застнем...)
«величья» девяностых, в коих унижаться

пришлось так женщинам бывшей страны советов,
когда в братков мужская падаль превратилась;
до состоянья ОПГ жизнь скатилась,
вместо кумиров воссоздав авторитетов

из всяких имбецилов и дегенератов
(судя по чтению боевиков-романов
о девяностых-«лихих»), тварей-наркоманов,
а также партократов в масках демократов,

когда любую – из девчат, женщин – могли
из толпы вырвать нагло, затолкать в машину,
чтоб обслужила воровской притон-«малину»
всем тем, что бабы для любимых берегли!

И это было поголовно-повсеместно
не в век рабовладения, а в просвещённый —
нынешними либералами столь освящённый,
что даже психами их знать не интересно...

А ведь у каждой из тех женщин – Имя было
в честь красоты небесной иль земной богини...
только браткам не было дела до святыни:
какое, дескать, имя там... у секс-рабыни?
Пусть рада будет – тело трупом не остыло!

Но, слава богу, лихолетье то прошло;
здравость ума возобладала над уродством
дегенератов всяких с остальным их скотством;
и «сила в правде» – солнцем! —
над землёй взошло,

вновь разрешив писателю вкупе с поэтом
женское Имя славить в прозе и в стихах:
в триумфе выкупав иль изваяв в грехах
зимой и осенью, весной и даже летом

шутливо-весело иль горестно-трагично,
насмешливо-улыбчиво либо комично;
иль – Волкодлаком – даже слегка неприлично
(для женских он имён вирши слагает лично...);

но тут серьёзность Имени – всегда, во всём:
ни Аннушка, ни Нюра, и ни Анька вовсе...
лишь это слово принять – Анна! – приготовься,
будто вина твоя (при всех грехах, причём...)

всего лишь в том, что соблаговолила

Имя своё тебе открыть, как одарив!
Во взгляде Анны мистики таится сила
иль в женском облике, словно предупредив

о том, что никому из вас, дескать, не сладить
с сердцем её души, если не разрешит?
Ну разумеется... всегда можно изгадить
(кто-нибудь с ревностью как-то умеет ладить,
особенно когда отказом женским бит?),

честь запятнать, достоинство наземь роняя;
правдой обманчивой себя с ума свести;
паучьей мерзостью силки мести сплести,
в угаре злобности совесть мужчин теряя!

Вот только Анна тем, увы, не по зубам,
кто так за женщину «решалой» быть привык
лишь по понятию, что, мол, он же – «мужик»,
и потому иду по бабьим головам!

А Имя Анна – взглядом – остановит многих,
в ком страх сокрыт: «Женщиной был унижен!»
Найдётся ль тот из них, слегка больных-убогих,
кто Волкодлаком-Зверем будет обездвижен,

в куски растерзан, в клочья лишь по той причине,
что так неласково об Анне отозвался?
Я ведь ко многим злобой уж наприкасался,
маске-лицу не доверяя, как личине...

Фотокомментарий №0051

Винтаж узора трансформировался в волны,
застыв навек орнаментом на фотоснимке...
Зверь влился в трепет волн подобно невидимке —
тающей ноткой средь звучания валторны,

так подчеркнувшей ночи крымской торжество
иль сумрака вечернего благочестивость...
«Нет, это всё-таки цикад певчих ретивость:
слегка умерим Волкодлака хвастовство!» —

шепнула роза завиткам из серпантина,
уже очаровавшему настолько листьев цвет
сияньем золота, что всем им дела нет
до укоризны роз – их не влечёт картина

на ткани – из шёпота Хищника – холста:
там проступила средь мазков-слов красота
Анны и Юлии... и красок чистота
ясна и розе стала, как рифм простота:

Красавцы-моряки, в перчатках снежно-белых,
застыли статуями с розой белой, с красной...
Любая женщина здесь выглядит прекрасной
в эскорте воинов, столь мужественно-смелых

вкупе с кокардами, с нитями аксельбантов;
в форме, расшитой галунами золотыми;
со сталью кортиков у поясов; словно влитые,
погоны на плечах – немало, знать, талантов

у модельеров есть известных и стилистов,
что превратили в офицерскую элиту
живые манекены – и в девушек свиту,
столь очарованных надёжностью артистов!

А ведь они, увы, всего лишь просто люди:
в них мистики нет колдовской и Тантры нет;
их устремленья душ не излучают свет,
что преподносит яблоком, с каймой на блюде,

из мрака тьмы Хищник, невидимо смотрящий
за спинами эскорта девичьих фигурок
(да убоится басурман иль нехристь-турок
времен Очакова, иль кто-то настоящий...) —

Богине-Анне, в её греческой тунике,
что выглядит сейчас столь выигрышно рядом
с моряка формой, – вместе с розой, —
как нарядом,
тот, кто хранит молчанье гробовое в крике

беззвучном от того, что сам, увы, не может
локтем своим Анны груди слегка коснуться,
заставив сердце птицей счастья вострепнуться...
Зверя столь человеческая ревность гложет

к тем самозванцам – офицерам в форме флотской,
что предложили женским пальчикам свой локоть?
Рыком блеснул по клыкам пасти лапы коготь,
изрезав в кровь желание похоти плотской:

«Не выбрать мне из двух зол меньшее – как быть:
вздыбленной шерстью обернуть прикосновение
Аннушки ножек... иль признать злобы решенье:
за Анной с Юлией зрачками сумрак вскрыть;

прицелом лазерным все цели обозначить;
с запахом Анны ожиданьем смерти слиться,
чтобы никто не смел и взглядом ошибиться,
Анны покой-уют решив переиначить

в дань удовольствий хамских как в предоставленья
себе, любимому, потехи – ужас видеть
в девичьих взорах... но кто вздумает обидеть,
собственное представив – в миг! – уничтожень?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.